

Счастье / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Счастье / рассказ СЧАСТЬЕ

Настал час вечернего чая, скоро должны были внести лампы.

Вилла возвышалась над морем. После заката солнца небо было все розовое и как бы посыпанное золотой пылью, а Средиземное море, без единой морщинки, без малейшей ряби, гладкое и еще блестящее в свете умирающего дня, походило на полированную металлическую пластинку необъятной величины.

Вдали, справа, на побледневшем пурпуре заката вырисовывались черные очертания зубчатых гор.

Разговор шел о любви; эту старую тему обсуждали, повторяя вновь все то, что уже было сказано столько раз. Ласковая меланхолия сумерек придавала речи медлительность, вливала в сердца умиление, а слово «любовь», беспрестанно повторявшееся, произносимое то густым мужским голосом, то легкозвучным голосом женщин, казалось, заполняло всю гостиную, порхало в ней, как птичка, реяло, как бесплотный дух.

— Можно ли любить в течение многих лет?

— Да, — настаивали одни.

— Нет, — утверждали другие.

Присутствующие разбирали отдельные случаи, спорили, приводили примеры; и все, как мужчины, так и женщины, объятые волнующими воспоминаниями, о которых они не могли рассказать, но которые просились на язык, были явно растроганы и с глубоким трепетом, с жгучим интересом обсуждали эту обыденную и величественную тему, — говорили о нежном и таинственном союзе двух существ.

Но вдруг один из собеседников, пристально вглядываясь вдаль, воскликнул:

— Посмотрите, что это там?

На поверхности моря, на самом горизонте, всплыла огромная и туманная серая масса.

Женщины поднялись с мест и в недоумении глядели на это изумительное, никогда ими не виданное явление.

Кто-то сказал:

– Это Корсика. Она видна отсюда два – три раза в год при исключительных атмосферных условиях, когда воздух совершенно прозрачен и нет мглистой дымки, обычно заслоняющей горизонт.

Там, вдали, смутно вырисовывались гребни гор, казалось даже, что можно разглядеть снег на их вершинах. Все замерли, пораженные, взволнованные, почти испуганные этим внезапным появлением целого мира, этим призраком, всплывшим над водой. Такие странные видения, быть может, являлись тем, кто отправлялся, подобно Колумбу, в далекие неисследованные моря.

Один пожилой господин, до тех пор молчавший, сказал:

– Взгляните, этот остров возник перед нами как живой ответ на то, о чем мы говорили, и пробудил во мне одно особенное воспоминание; я видел там прекрасный пример постоянной любви, любви до неправдоподобия счастливой.

Вот что я видел.

Пять лет тому назад я путешествовал по Корсике. Этот дикий остров менее известен и более далек от нас, чем Америка, хотя его и видно иногда с французских берегов, как, например, сегодня.

Представьте себе мир, еще находящийся в состоянии первобытного хаоса, буйное нагромождение гор, разделенных узкими ущельями, по которым несутся стремительные потоки; кругом ни единой равнины, только громадные гранитные валы и гигантские волнообразные складки гор, покрытые маки или высокими каштановыми и сосновыми лесами. Это девственный, невозделанный, пустынный край, хотя изредка там и встречаются деревушки, напоминающие издали груды камней на вершине горы. Ни земледелия, ни промышленности, ни искусства. Здесь не встретишь ни кусочка резного дерева, ни обломка хотя бы самого грубого изваяния, ни малейшего следа, который говорил бы о ребяческом или утонченном пристрастии предков нынешних корсиканцев к изящным и красивым вещам. Больше всего поражает в столь прекрасной и суровой стране врожденное безразличие к тому исканию пленительных форм, которое зовется искусством. Италия, где каждый дворец полон шедевров и сам по себе

настоящий шедевр, где мрамор, дерево, бронза, железо, металлы и камни свидетельствуют о человеческом гении, где самые обиходные старинные предметы, валяющиеся в старых домах, говорят о божественном стремлении к изящному. Италия для всех нас — священная отчизна, которую мы любим, потому что она являет и доказывает нам величие, порыв, могущество и торжество человека-творца.

А рядом с нею дикая Корсика осталась такою, какой была в младенческие дни. Человек живет здесь в своей лачуге, равнодушный ко всему, что не касается его существования или семейных дразг. Он сохранил все недостатки и достоинства некультурных племен: он резок, злобен, бессознательно кровожаден, но вместе с тем гостеприимен, благороден, самоотвержен, простодушен, готов открыть свои двери каждому прохожему и отплатить надежной дружбой за малейшее проявление сочувствия.

Итак, я в течение месяца бродил по этому величественному острову, и мне казалось, будто я нахожусь на краю света. Ни постоянных дворов, ни трактиров, ни дорог. По тропинкам, проторенным мулами, добираться до деревушек, прилепившихся к высоким скалам над извилистыми ущельями, откуда по вечерам доносится непрерывный шум — глухой и глубокий голос потока. Стучишься в дверь. Просишь приюта на ночь и пропитания до следующего дня. И садишься за скромный ужин, спишь под скромной кровлей, а утром пожимаешь руку хозяина, проводившего тебя до края деревни.

И вот однажды вечером, после десятичасовой ходьбы, я набрел на маленький домик, одиноко стоявший на дне тесной долины, которая одним лье дальше выводила к морю. Крутые склоны гор, покрытые маки, обломками скал и высокими деревьями, сжимали, как две мрачные стены, эту бесконечно печальную ложбину.

Вокруг хижины был садик и несколько виноградных лоз, поодаль росло несколько больших каштанов — словом, было чем жить; для такой нищей страны это уже целое богатство.

Меня встретила старая, суровая и, что редкость в тех краях, опрятная женщина. Сидевший на соломенном стуле мужчина встал, поклонился мне и опять сел, не вымолвив ни слова. Его подруга

сказала мне:

– Не взыщите, пожалуйста, он оглох. Ему восемьдесят два года. Она говорила на чистом французском языке. Меня это удивило.

Я спросил:

– Вы не корсиканка?

Она ответила:

– Нет, мы с материка. Но мы живем здесь уже пятьдесят лет.

Тоскливое и тревожное чувство охватило меня: пятьдесят лет прожить в этой мрачной дыре, так далеко от городов, от людей! Вошел старик-пастух, и все уселись за стол и стали есть густую похлебку из картошки, сала и капусты – единственное блюдо, из которого состоял ужин.

Когда кончилась краткая трапеза, я вышел посидеть у порога; я глядел на угрюмый ландшафт, и сердце мое сжималось от печали, томилось той тоской, что охватывает путешественников в иные грустные вечера, в иных безотрадных местах. Кажется, все близится к концу – и собственная жизнь и жизнь вселенной. Внезапно начинаешь постигать ужасающую горечь бытия, разобщенность всех людей, ничтожество всего земного и непроглядное одиночество сердца, которое убаюкивает и обманывает себя неустанно до самой смерти.

Старуха вышла ко мне и, подстрекаемая любопытством, которое таится даже в глубине безропотно смирившихся душ, спросила:

– Вы, значит, из Франции?

– Да, я путешествую удовольствия ради.

– Вы не из Парижа ли?

– Нет, я из Нанси.

– Вы из Нанси?

Мне показалось, что ее охватило глубокое волнение. Каким образом я заметил или, вернее, почувствовал это – не знаю.

Она медленно повторила:

– Вы из Нанси?

На пороге показался ее муж, безучастный к окружающему, как и все глухие. Она молвила:

– Ничего! Он не слышит.

Потом, спустя несколько мгновений, продолжала:

– Значит, в Нанси у вас есть знакомые?

– Как же, я знаю почти весь город.

– А семью Сент-Аллез знаете?

– Еще бы, прекрасно знаю; это были друзья моего отца.

– Как ваша фамилия?

Я назвал себя. Она пристально посмотрела на меня, потом проговорила тихим голосом, как говорят, вспоминая о чем-нибудь.

– Да, да, помню. А что случилось с Бризмарами?

– Все умерли.

– Вот как! А Сирмоны? Вы их знали?

– Да, младший из них – генерал.

Тогда она произнесла, трепеща от волнения, от тоски, от какого-то смутного, мощного и священного чувства, от какой-то потребности признаться, высказать все, говорить о том, что до сих пор таилось в глубине ее сердца, и о людях, имя которых потрясло ее душу.

– Да, Анри де Сирмон. Как не знать! Это мой брат. Я взглянул на нее, растерявшись от неожиданности. И вдруг во мне пробудилось воспоминание.

В свое время это событие произвело страшный переполох в среде лотарингского дворянства. Миловидная, богатая девушка Сюзанна де Сирмон бежала с унтер-офицером, служившим в гусарском полку, которым командовал ее отец.

Солдат, обольстивший дочь своего полковника, был красивый малый, простой крестьянин, но голубой доломан сидел на нем очень ловко. Она, вероятно, увидала его, когда смотрела на дефилирующие эскадроны, отметила и полюбила. Но как ей удалось заговорить с ним, как они могли встретиться, объясниться? Как решилась она дать ему понять, что любит его? Этого никто так и не узнал.

Окружающие ничего не подозревали, ничего не видели. Отслужив свой срок, солдат однажды вечером исчез вместе с нею. Их разыскивали, но не нашли. Она ни разу не подала о себе вести, и ее считали умершей.

И вот я встретил ее здесь, в этой зловещей долине.

– Да, припоминаю, – сказал я. – Вы мадмуазель Сюзанна?

Она утвердительно кивнула головой. Слезы катились по ее щекам.

Потом, взглянув на старика, который неподвижно сидел на пороге лачуги, она промолвила:

– Это он.

И я понял, что она по-прежнему любит его, что все еще очарована им.

Я спросил:

– Были ли вы счастливы по крайней мере?

Она ответила головой, исходявшим из глубины сердца:

– О да, очень счастлива! Он дал мне большое счастье. Я ни разу ни о чем не пожалела.

Я смотрел на нее, опечаленный, пораженный, восхищенный могуществом любви. Она, богатая девушка, последовала за этим человеком, за этим крестьянином. Она сама стала крестьянкой. Она приноровилась к жизни, лишенной изящества, роскоши, лишенной какой бы то ни было утонченности, она применилась к его простым привычкам. И она все еще любила его. Она стала женою простолюдина, ходила в чепце, в холщовой юбке. Сидя на соломенном стуле, за некрашеным столом, она ела из глиняной миски картофельную похлебку, приправленную салом. Она спала рядом с ним на сеннике.

Она никогда не думала ни о чем, кроме него! Она не сожалела ни о роскоши, ни о драгоценностях, ни о шелках, ни о мягких креслах, ни о тепле надушенных комнат, обитых штофом, ни о ласке пуховых перин, в которые погружается усталое тело. Ей ничего не нужно было – только он; лишь бы он был подле нее, она ничего больше не желала.

Она отказалась от привычной жизни совсем еще юная, отказалась от света, от тех, кто ее любил, вырастил. Она ушла с ним одна в это глухое ущелье. И он был для нее всем – всем, чего желаешь, о чем гредишь, всем, чего беспрестанно ждешь, на что бесконечно надеешься. Всю свою жизнь с ним она была счастливейшей из женщин.

И всю ночь, прислушиваясь к хриплому дыханию старого солдата, лежавшего на своей убогой койке, возле той, которая последовала за ним так далеко, я думал об этой необыкновенной и простой любви, об этом счастье – таком полном и созданном из такой малости.

С восходом солнца я ушел, пожав на прощание руки старым супругам.

Рассказчик умолк. Одна из женщин сказала:

— Ну, у нее был уж слишком несложный идеал, слишком примитивные потребности и слишком простые желания. Так могла жить только дурочка.

Другая задумчиво проговорила:

— Что ж из этого? Она была счастлива!

А вдали, на самом горизонте, Корсика погружалась в ночь, медленно уходила обратно в море, постепенно стусевывалась ее огромная тень, возникшая словно для того, чтобы поведать историю двух скромных любовников, которых приютили ее берега.

* * *

Напечатано в «Голуа» 16 марта 1884 года. В книге «На воде» (см. эпизод «13 апреля») Мопассан возвратился к этой же теме, но придал ей другую, трагическую развязку. Книга «На воде», хотя и изданная в 1888 году, составила из очерков, публиковавшихся Мопассаном в прессе в первой половине 80-х годов; какая из двух этих разработок темы предшествовала другой, пока не выяснено.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Е.Гунст Neкаýalar